

Лев Анисов

ИЕЗУИТСКИЙ КРЕСТ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

«В рукописи Публичной библиотеки рассказывается, что Петр был принят в шотландскую степень св. Андрея, причем дал обязательство, что сей орден восстановит в России, что и исполнил (в виде ордена св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 г.); его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят, и многие оное читали... Среди рукописей Ланского есть обрывок серой бумаги, на котором записано такое известие: имп. Петр I и Лефорт были в Голландии приняты в темплиеры».

Г. В. Вернадский

Лев АНИСОВ

Иезуитский крест Великого Петра

«Алисторус»

Анисов Л. М.

Иезуитский крест Великого Петра / Л. М. Анисов —
«Алисторус»,

«В рукописи Публичной библиотеки рассказывается, что Петр был принят в шотландскую степень св. Андрея, причем дал обязательство, что сей орден восстановит в России, что и исполнил (в виде ордена св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 г.); его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят, и многие оное читали... Среди рукописей Ленского есть обрывок серой бумаги, на котором записано такое известие: имп. Петр и Лефорт были в Голландии приняты в темплиеры». Г. В. Вернадский

© Анисов Л. М.

© Алисторус

Содержание

Вместо предисловия	5
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Анисов

Иезуитский крест Великого Петра

Вместо предисловия

Эта книга писалась на протяжении пятнадцати лет. Ее задача – показать тайные силы и скрытые пружины той борьбы за власть, которая велась в России на протяжении первой половины XVIII века.

Всегда немного трудно начинать рассказ свой о том или ином событии, заинтересовавшем тебя. Мыслей много, не знаешь, на которой из них остановиться, с какой начать. Все важными кажутся, каждую боишься упустить. Действительно, начать ли повесть свою об одном из важнейших событий царствования Петра Великого с рассказа о Немецкой слободе, сыгравшей большую роль в становлении личности этого человека, или повести начало с Патрика Гордона, генерала-иезуита, за которым много темного находили современники, а может быть, с родственника его Лефорта или Менезия – первого иностранца, приближенного к Петру Первому отцом его царем Алексеем Михайловичем? Или с того начать, как пробудился интерес к этому событию. Тоже ведь не простая вещь. Помнится, с детских лет Петр Великий был моим кумиром, и образ его, созданный великолепной игрой Николая Симонова, был на многие годы главенствующим в моем представлении, как и облик царевича – жалкого, трусливого, недалекого, – такого, каким видел его режиссер фильма и актер Николай Черкасов, замечательно сыгравший эту роль.

С чего проснулся интерес? Скорее всего, случайно. Да да, как ни странно, именно так. Собирая материалы к биографии нашего выдающегося русского живописца И. И. Шишкина, изучая круг людей, его окружавших, однажды я добрался и до художника Н. Н. Ге. Известна мне была, как, впрочем, и многим из нас, с детства картина его «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Все мне было ясно: и сюжет, и композиция. Неясно было одно: из головы у меня не шла заметка, не знаю где прочитанная, что автор погрешил против истины и написал место действия неверным. Где читал заметку, я не мог вспомнить, но в памяти эта информация хранилась, и, прежде чем идти дальше, надо было найти источник. Как же описывать реальное, не зная истины. Я принялся искать источник. Но он, увы, не находился. А ведь был он, было сообщение, что автор шел от лукавого и летний дворец никак не мог быть местом допроса, да и сам допрос не был таким безвинным, как изображен на картине. Царевича пытали, били плетью. Где же об этом написано? И здесь я взялся ругать себя за то, что положился на память, обычно не подводившую меня и подведшую на сей раз. Я решил доискаться до истины, а пока у меня под руками была статья критика В. Стасова, в которой читал нечто близкое к тому, что я искал.

«Картина г. Ге представляет сцену из жизни Петра: он допрашивает в Петергофе, в маленьком дворце своем Монплеzir, сына своего, царевича Алексея, вороченного из бегства его в Австрию и Неаполь. Грозный царь, уже начинающий седеть, сидит у стола, на котором лежат письма, уличающие царевича в его интригах и изменнических сношениях. Перед ним стоит сын его, притворно или искренне кающийся, – длинный и тощий, настоящая фигура тупого, узкоголового дьячка, – несмотря на его черный бархатный наряд. Отец и сын одни, – никого больше в этой низкой комнате... Но какая драма тут совершается! Точно две крайние противоположности людские сошлись с разных концов мира. Один – это сама энергия, непреклонная и могучая воля, великанкрасавец в преображенском кафтане и высоких военных сапогах – весь волнующийся и поворотивший свою чудесную, разгоревшуюся голову к этому сыну, этому неразумному, этому врагу, вздумавшему стать ему на дороге. Гнев, упрек, презрение –

все тут горит во взгляде у него, и под этим взглядом словно поникла и упала бесцветная голова молодого преступника, не смеющего глядеть прямо на грозного судию. Он ничтожен, он презрен, он гадок в своей бледности и старообрядческой трусости». (К слову, облик царевича – жалкого и ничтожного – таковым трактуется и до нынешних времен. Приведу как образец характеристику, даваемую критиком Э. Гомберг-Вержбинской: «...в уютном зале маленького петергофского дворца Монплеизир Петр один на один вел допрос своего сына и наследника, ставшего его врагом и предателем родины. Множество чувств боролось в душе Петра, но гнев уже уступил место горечи и презрению к этому безвольному, уклончивому трусу, не смеющему даже поднять глаза»). Но дальше у В. Стасова: «Возвратимся, однако же, еще раз к картине г. Ге. Мы старались высказать, как она кажется нам важна и примечательна, как много мы видим в ней таланта и успеха. Но, тем не менее, мы считали бы неуместным, если б умолчали здесь о том, с чем не можем согласиться в этой картине и что в ней кажется нам, до некоторой степени, неудовлетворительным.

Это – самый взгляд художника на его сюжет, на его задачу. Нам кажется, что г. Ге посмотрел на отношение Петра к его сыну – только глазами первого, а этого еще мало. Есть еще взгляд истории, есть взгляд потомства, который должен и может быть справедлив и которого не должны подкупить никакие ореолы, никакие слова. Что Петр I был великий, гениальный человек – в этом никто не сомневается; но это еще не резон, чтобы варварски, деспотически поступать с собственным сыном и, наконец, чтоб велеть задушить его, после пыток, подушками в каземате (как рассказывает г. Устрялов в своем VI томе). Царевич Алексей был ничтожный, ограниченный человек, охотник до всего старинного, невоздержанный, не понимающий великих зачинаний своего отца и, может быть, старавшийся посвоему противодействовать им. Но что такое было это противодействие? Это была соломинка, брошенная поперек дороги грозно шагающего льва. Она ничего не могла сделать, она была ничтожна и бессильна. В чем упрекал Петр I своего сына, чего он хотел с него? Он упрекал его в слабости, в недостатке энергии, в нелюбви к занятиям; но чем же несчастный Алексей был виноват, что таким родился? Как же мог он себя переродить? Чего хотел Петр от своего сына? – Чтоб он сделался таким же, как он сам, вторым Петром. «Да я не могу, да я не хочу, – со слезами отвечал бедный Алексей, – возьмите вы от меня корону, я не на то родился, чтоб нести тяжесть ее; она не интересна мне, дайте мне покой, оставьте меня жить помоему, вдали ото всего, была бы только подле меня моя Афросиньюшка и мог бы я быть подальше от войны, от солдат, от всего этого чуждого мне величия и власти». Но нет, Петр ничего не хотел слушать и, подстрекаемый Екатериной и Меншиковым, продолжал все больше и больше преследовать несчастного ограниченного своего сына, наконец, вынудил его, своими жестокостями, даже бежать, потом воротил в Россию такими обещаниями помилования, которых затем не исполнил... Как нам тут быть на стороне Петра? Даром, что он великий человек, даром, что Россия ему всем обязана, а всетаки дело с Алексеем – одно из тех дел, от которых история с ужасом отвращает свои глаза. Мы понимаем, что свидание отца с сыном может служить сюжетом картины; но оно должно быть взято глубже, чем на этот раз случилось. Не только царевич Алексей, но и сам Петр являются тут глубоко трагическими личностями. (К этой фразе я потом не однажды возвращался, но о том позже. – Л. А.) Тут перед нами два человека, из которых один другого не понимает, один ничего не понимает в натуре другого, и оба хотят, всякий посвоему, переделать дело. Один хочет покоя и бездействия, другой – беспредельной энергии и деятельности. Пусть бы каждый при своем и оставался, или пусть бы, по крайней мере, каждый требовал, чтоб другой не мешался в его дело! Так нет, понадобилось преследование и смерть... Мы не отрицаем, чтоб этого не было на свете, чтоб этого никогда не случилось. Но делать из этого апофеозу силы, представлять торжествующую силу точно будто бы жертвой, потому что ее не понимает и не сочувствует ей тот, кто ни понимать, ни сочувствовать не может, – понашему, это неверно, это не отвечает требованиям художества.

Еще раз повторяем: сцена Петра с сыном могла быть взята сюжетом для картины, но иначе. Впрочем, если б даже стать на точку зрения самого Петра, то и тут есть что-то, в чем бы мы упрекнули живописца. Петр был не такой человек, чтоб довольствоваться негодованием, упреками, горькими и благородными размышлениями. У него мысль была тотчас же и делом, а нрав его был жесток. Значит, на допросе сына он был либо формален и равнодушен, либо гневен и грозен до бешенства. Средняя же нота, приданная ему живописцем, по нашему мнению, вовсе не соответствует его натуре и характеру.

Все это мы говорим по поводу картины г. Ге потому, что глубоко ценим талант этого художника и его превосходную (во всех других отношениях) картину, и желали бы, чтоб будущие его произведения не давали никому повода к замечаниям и этого рода».

Упреки весьма существенные по отношению к художнику, если учесть, что В. Стасов работал над статьей о малолетнем императоре Иоанне Антоновиче и был хорошо знаком с документами, касающимися русской истории и царского двора.

Желание узнать больше привело к запискам современников и трудам русских историков и писателей: А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, И. Е. Забелина, Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, М. П. Погодина, Н. Я. Чарькова, Д. А. Толстого, Ю. Ф. Самарина, М. О. Кояловича, Я. К. Грота, И. И. Голикова, Г. В. Вернадского, С. Князькова, Дм. Цветаева, В. Вилимбахова, М. А. Алпатова, С. М. Троицкого, Л. А. Никифорова, А. М. Панченко и многих других, на которых я и буду ссылаться. Некоторые сведения почерпнуты из книг А. Г. Брикнера, К. Валишевского, Х. Баггера, Ж. Губера.

Мне представляется, что современному читателю важно знать причины исчезновения с политической арены Алексея Петровича и сына его – малолетнего государя Петра Алексеевича. С кончиной Петра II пресеклась русская ветвь Романовых. И позже, за исключением государыни Анны Иоанновны, на российском престоле не было ни одного русского человека.

Думается, представленные в книге документы, хранящиеся в архивах Испании, Франции, Ватикана, позволят нынешнему читателю поинему взглянуть на ход далеких от нас событий, да и современные события понять несколько иначе.

Книга первая Отец и сын

I

В сочинении М. П. Погодина «Суд над царевичем...» читаю: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем есть такое происшествие, которое имеет... великое значение в Русской истории. Это граница, между древнею и новою Россиею, граница, орошенная кровию сына, которую пролил отец. Оно должно быть тщательно изследуемо до мельчайших подробностей, и честь времени, когда можно о таком важном вопросе говорить искренно и свободно, предлагать свои мысли без малейших опасений...» Чтото недосказанное чувствуется за его словами. Намек на чтото. На что? Впрочем, не у него одного. В лекциях В. О. Ключевского («Курс русской истории») както мимоходом говорится об этом событии. Вроде бы его и не было. Или же (создается такое впечатление) историк должен, прямотаки обязан обойти молчанием этот факт, словно чтото или чтото, обстоятельства какието заставляют его (а уж зналто он, видимо, немало) умалчивать этот факт. Почему? Что за тайна? С. М. Соловьев в главе «Истории России...», посвященной царевичу Алексею, с явным сочувствием относится к нему, пишет много, приводит документы, и все же остается впечатление, что и он недоговаривает чегото, знает и недоговаривает, молчит. Чувствуется, случилось чтото такое, что возмутило его как человека, едва он узнал об этом, но, как историк и человек осторожный, он вынужден лишь намекнуть читателю об узнанном своим впечатлением, чувством, выразившимся в симпатии к убитому молодому человеку. Листаю книги, посвященные времени Петра, писанные Н. Полевым, А. Г. Брикнером, К. Валишевским, Н. И. Костомаровым, – у этих авторов все ясно – трактовка, привычная мне со школьных лет: Петр – преобразователь, Алексей – человек косный, убогий, и его надо было убрать с дороги. Но вот ведь возникала какая мысль – Алексей отказывался от престола, он даже присягнул добровольно новому престолонаследнику – своему сводному брату (сыну Екатерины I); казалось бы, все препятствия сметены, можно отправить его в монастырь, загнать в яму, наконец (и такое бывало в русской истории), но ведь чегото боялся Петр или чтото еще. Чего? Да и чего, казалось бы, бояться, если немощный и «узколобый» убран с пути. Для чего убивать его? Непонятное становится понятным, когда вдруг приходит мысль: а таким ли уж слабовольным и ограниченным был этот человек? Ведь убивают чаще всего сильных соперников. И потом, мог бы ведь царевич и притвориться, потакать отцу, войти в доверие к нему и жить до поры до времени, действуя так, как того хотелось отцу, а после кончины последнего проводить в жизнь свое (как то не однажды видишь в истории). Но нет же, не хитрил он. Что же, выходит, не хотел он притворяться, а жил сообразно своим мыслям? Выходит, правдивым жил? Да вот еще и любопытное замечание у А. С. Пушкина: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам кн. Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания».

И не глуп он был. «Бог разума тебя не лишил», – писал ему Петр. Учитель царевича Гюйссен в своем отчете государю отмечал, что Алексей «разумен далеко выше возраста своего». Царевич производил благоприятное впечатление на окружающих. Тому свидетельство письмо английского посланника в России Витворта, отправленное из Москвы 28 февраля 1705 года: «22го вечером любимец царский Александр Данилович выехал отсюда на почтовых в Смоленск. В день своего отъезда он пригласил меня к обеду, при чем я имел честь привет-

ствовать сына и наследника царского, Алексея Петровича, высокого, красивого царевича лет шестнадцати, который отлично говорит на голландском языке и присутствовал на обеде...»

Царевич знал латынь, голландский, французский и немецкий языки. Был большим любителем книг и чтения. Кроме богословия, серьезно занимался историей, филологией, покупал книги по военному делу, математике, то есть по тем предметам, которые изучал. Имел крупную для своего времени библиотеку.

Царевич «пополнял свое образование за границей, – пишет С. П. Луппов, – совершенствуя свои знания в области иностранных языков и изучая геометрию, фортификацию и другие науки. Ко всему этому Алексей Петрович не относился формально. Он несомненно высоко ценил просвещение: во время пребывания за границей не упускал случая осмотреть достопримечательности; в большом количестве и на значительные суммы покупал книги как религиозного, так и светского содержания; проявлял большую заботу о сохранности своей библиотеки в Преображенском».

О его рассудительности и уме свидетельствуют донесения отцу, написанные самим Алексеем Петровичем во время управления Москвою и при исполнении разных поручений.

Известно, что Петр, испытывая определенное влияние идеологов прусской абсолютной монархии, рекомендовал царевичу Алексею в качестве учебного пособия по истории сочинения Пуффендорфа.

«Он заботился о книгах, делал выписки даже во время болезни, в Карлсбаде, просил о доставлении книг и выписывал, любопытствовал осматривать разные достопримечательности», – пишет М. П. Погодин со ссылкой на Н. Устрялова.

Ум виден и в его глазах, достаточно взглянуть на портрет царевича.

И, может быть, комуто надо было выставить царевича эдаким идиотом, чтобы оправдать чьи-то действия, за которыми кроется куда более глубокое, гнусное и продуманное преступление не только против этого молодого человека, но и против всех русских, русской истории? Недаром же читаем у Николая Михайловича Карамзина («Записка о древней и новой России»):

«Не говорю и не думаю, чтобы древние Россияне под Великокняжеским или Царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях, мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однакож должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя Русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присвоивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое Государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе онаго! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим Гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных Европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче покорить Россию – неверным, или братьям? т. е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? При Царе Михаиле, или Феодоре, Вельможа Российский, обаянный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших Государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр. Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум Россиян без вреда для их гражданских добродетелей. К несчастью, сей Государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил Женевца Лефорта, который от бедности заехал в Москву, и, весьма естественно, находя Русские обычаи для него иностранными, говорил ему об них с презрением, а все Европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово

дело, и пылкий Монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию – Голландию».

Не здесь ли ключ к страшной загадке? Надо было еще и еще перечитать прочитанное, не раз съездить в Историческую библиотеку, чтобы заказать нужную книгу, внимательно перечитать ее, прежде чем прочитанное выстроилось в стройную цепочку, систему. Чтобы было представление о том далеком времени...

II

Итак, начать все же надо, как мне думается, с момента женитьбы Петра Первого.

27 января 1689 года в Москве была отпразднована свадьба Петра и Евдокии Лопухиной – дочери окольного Федора Абрамовича Лопухина. Свадьбу Петра, по одним известиям, отпраздновали скромно: он венчался, как пишут, даже не в Благовещенском соборе, а в небольшой придворной церкви Св. апостолов Петра и Павла. Священствовал духовник его, протопоп Меркурий.

В записках же современника Крекшина находим следующее сообщение: «Сего лета Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич сочется законным браком, поя прекрасную деву, дочь Федора Лопухина, Евдокию Феодоровну. И бысть сему Великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу Великая Государыня, Царица и Великая Княгиня Евдокия Феодоровна первая супруга. Брак был со многим торжеством и великою всенародною радостью».

Есть описание царских свадеб, оставленное Григорием Котошихиным: «Первое, полату наряжат, обьют бархаты и постелют ковры турецкие и персицкие болшие; учинят поставят царское место, где сидеть царю и его царевне, и перед ними стол да столы ж, за которыми сидеть бояром и бояроням, и на тех столах положат скатерти да хлеб с солью. А царь в то время устраиваетца во все свое царское одеяние, так же как и при короновании; а новую царевну прикажет нарядити во все царственное ж одеяние, опричь короны, а положат на нее венец девичий; и в то же время и бояре, и все свадебные чины, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и полковники, и головы, и гости устроятся в золотое одеяние. А как то все устроится, и о том известят царю».

Редкостной красоты выбрала Наталья Кирилловна невестку себе. Переглядывались бояре, ловя взгляды молодых: похоже, крепкая пара получится. Ишь, глазато какие счастливые! Добрый, добрый род Лопухиных. Знала старая царица, откуда подругу жизни, суженую для сына выбирать.

Били колокола. Каркали вороны, кружа над соборами. Народ теснился на площади, желая увидеть молодых. Слышно было пение церковного хора.

После венчания молодые появились в дверях церкви. Толпа вздохнула и качнулась словно бы.

«А как царь идет ис церкви в хоромы, и в то время бывает звон во все колокола. Да в то же время, как царь с царицею венчаются, царской отец и мать и бояре и боярыни сойдутца все вместе, в тое полату, где окручение было. А как царь и свадебный чин входят в полату, и у полаты протопоп благословляет крестом всех... и садятца за столы царь с царицею, а бояре и чин свадебной за своими столами, и начнут носить есть, и едят и пьют до тех мест, как принесут еству третью лебеда, и поставят на стол. И в то время дружка у отца, и у матери, и у тысяцкого, благословляются новобрачному с новобрачною итти опочивать, и они их благословляют словом же. И царь и царица, и отец и мать, и иные немногие люди и жены провожают их до той полаты, где им опочивать, и проводя, пойдут все прочь, по прежнему, за стол и едят и пьют до тех мест, как от царя ведомо будет.

...А как начнет царь с царицею опочивать, и в то время конюший ездит около той палаты на коне, выня мечь наголо, и блиско к тому месту никто не проходит; и ездит конюший во всю ночь до света».

Здесь прервем рассказ Котошихина и бегло попытаемся набросать проистекавшие перед тем события. Читаем у М. Семевского:

«С 1686 года Петр более и более предавался всякого рода военным потехам. В 1688 году он пристрастился к катаньям по воде, с восторгом разъезжал он со стариком Брантом на дедовском боте по грязной Яузе и по тенистым прудам Измайловским. Наскучив Яузой, он спешил к ПереславлюЗалесскому разгуляться на Переславском озере, замечательном не столько по величине, сколько по живописным своим окрестностям.

После первой же поездки своей в Переславль, царь обратился к матери с просьбою отпустить его туда для постройки судов. Нежно любя сына, Наталья Кирилловна с трепетом смотрела на его огненные потехи; новая придуманная им забава водою приводила ее в ужас, более же всего боялась она частых и продолжительных его отлучек; до нее доходили уже слухи о замыслах царевны Софьи, которые становились более и более опасными для нея и ея семейства. Не в состоянии будучи отказать просьбе сына, царица тем не менее не теряла еще надежды удержать резвого Петра при себе, и поспешила его женить: нашла ему невесту, молодую, прекрасную, Авдотью Лопухину.

Женитьба Петра на прелестной девушке старинной фамилии не могла нравиться Софии. Соправительница скорбнаго главой царя Ивана стремилась к одному – к удалению Петра от царского престола. Она старалась воспрепятствовать этому браку, но тщетно: Петр был уже готов к борьбе с нею; уже близилось время падения умной и честолюбивой Софии».

Род Лопухиных был не из очень знатных. Однако он принадлежал к числу самых старинных боярских фамилий. (На генеалогии рода мы остановимся подробнее, ибо в кругу его идей воспитывался царевич Алексей, до первого своего учителя, назначенного отцом.) Не станем скидывать со счетов и влияния бабушки Натальи Кирилловны, любившей невестку и паче того внука.

Родоначалник Лопухиных, Редедя, или Редега, был зарезан в единоборстве Мстиславом Тмутараканским в 1022 году. Дети этого воинственного царя, названные по крещению Юрием и Романом, служили великому князю. Правнук Романа Реденича, Михайло Юрьевич Сорокоум, оставил сына Глеба. Правнук Глеба Михайловича Варфоломей Григорьевич, имевший прозвище Лапоть, имел сына Василия Лопуху. Вот от него и пошли Лопухины.

Дед молодой царицы, Авраам Никитич, при царе Алексее Михайловиче долгое время служил головою московских стрельцов. В польскую войну стал известен тем, что вместе с другим стрелецким головою, Логином Оничковым, упорно защищал Могилев. Более 20 недель отбивались смельчаки от Радзивилла. В день бракосочетания царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной он был уже при дворе и, как пишут историки, сидел за поставцом царицы. Когда же родился Петр, Авраам Никитич пожалован был в думные дворяне.

«Роды ж, которые бывают в думных дворянах и в околничих, из честных родов, и из средних, и из дворян; и те роды болши тое чести не доходят», – писал Котошихин.

Наталья Кирилловна была явно благорасположена к Лопухиным. В день крещения Петра, когда в Грановитой палате собрались почетные гости и расселись за богато убранном столом, царица угощала у себя, в своих палатах, самых близких – отца и любимца царя – боярина Артамона Матвеева; за поставцом же, в ее хоромы, сидел Абрам Лопухин. С того времени Абрам (Авраам) Никитич постоянно при царице. В обязанности его входило рассылать коврижки, взвары, подачи с кубками мамам, боярыням. В последний раз имя его упоминается, как пишет Устрялов, в 1682 году, когда он подписал акт об уничтожении местничества третьим из 19 думных дворян.

Семья у Абрама Никитича была большая, дружная. Одних сыновей шестеро: Петр большой, Петр меньшей, Иларион, Козька, Василий и Сергей. Все дети его служили в стрельцах.

Иларион Абрамович – отец Евдокии Лопухиной – стал называться Федором после бракосочетания дочери с царем.

В тот торжественный для молодых людей, да и для всей России день, по случаю бракосочетания, все родственники царя были осыпаны подарками. Иные бояре да дворяне вздыхали, ибо Лопухины в одночасье возведены были в почетные звания и (как тут не завидовать?!) заняли важнейшие места при дворе государя.

«А по всей его царской радости жалует царь по царице своей отца ее, а своего тестя, и род их: с низкие степени возведет на высокую, и кто тем не достатен, сподобляет своею царскою казною, а иных розсылает для покормления по воеводствам в города и на Москве в приказы и дает поместья и вотчины; и они теми поместьями, и вотчинами, и воеводствами, и приказным сиденьем побогатеют», – читаем далее у Котошихина.

III

Свадьба миновала. Началась жизнь семейная.

7 августа 1689 года Петр узнал о страшной опасности: Софьей составлен был заговор против его жизни. О том поведали прискакавшие около полуночи к нему в Преображенское двое стрельцов. Петра разбудили. Стрельцы донесли о заговоре (счастье государя – он вовремя предуведомлен). Названы ему были имена главных заговорщиков, «умышлявших смертное убийство на государя и государынюцарицу». «Внезапно пробуженный, страшно перепуганный, Петр, прямо с постели, босой, в одной сорочке, – пишет М. Семевский, – бросился в конюшню, вскочил на коня и скрылся в ближайший лес; туда принесли ему платье; он наскоро оделся и, не теряя ни минуты, с величайшею поспешностью пустился по дороге к ТроицеСергиевой лавре. В пять часов проскакал он шестьдесят верст... Столь же поспешно, в ту же ночь, отправилась из Преображенского в Троицкий монастырь царица Наталья Кирилловна с дочерью; с ними поехала супруга Петра, Авдотья Федоровна: она была беременна».

Нетрудно представить возбужденное состояние молодого царя и страх молодой царицы за любимого человека и чадо, ожидаемое ею. Дорога до Троицы дальняя, не гладкая, темная. О чем думалось Авдотье Федоровне в те, казавшиеся долгими, бесконечными, часы поездки к безопасному месту? Хотелось ей одного – чтобы Петруша ее дорогой, сердцу милый, остался жив, чтобы не осталась она вдовой, с малым ребенком на руках.

«Царевич Алексей Петрович, первенецсын, как бы до дня своего рождения уже был обречен на судьбу злополучную, – замечает Семевский. – Его отцу угрожает смерть от ножей злоумышленников, его мать в страшном испуге, в поспешном бегстве, вслед за мужем, ищет спасения...»

Андрей Артамонович Матвеев, сторонник Петра, писал о тех днях:

«Августа месяца против 8 числа, внезапно, в глубокую самую ночь из тех сонмищ стрельцких с Лыкова двора наскоро прибежали в то село Преображенское из Стремянного полка знатные четыре человека, а именно: Ипат Ульфов, Дмитрий Мелков с товарищами, и с великим поспешением донесли его высокопомянутому Величеству, что уже разных полков стрельцы, собрався в Кремль на том Лыкове дворе с ружьем, намерены за ними тотчас идти в помянутое село по совету Щекловитаго бунтом, и убить его Царя, мать его и супругу его Царицуж, и сестру его Царевну, и всех знатных при его Величестве особ, и, чтоб ни часу не мешкав, изволили их Величества наскоро идти и спасать себя, куда заблагоразсудят.

Услышав о том стрелецком воровском умысле, они, высокоименованные Величества, в самые короткие часы, ночью собрався налегке, без ведома всех походных бояр и ближних людей и стольников бывших тогда, покинув все, с малолюдством самым наскоро в Троицкий

Сергиев монастырь побежали, и туда пришли; о чем тогда никто не ведал. И многие бояре и ближние люди, уедавав о том, в самой же скорости за их Величествами в тот Троицкий поход из Москвы последовали. В ту же пору из Сухарева полка стрельцы, их же Величествам верные, с поспешением великим за ними побежали, и не во многие часы в Троицкий монастырь прибыли».

«Участь Петрова была решена, – пишет М. П. Погодин, – но грозен сон, а милостив Бог: со стороны Царевны Софьи замахнулись, со стороны Петра ударили».

Темное то дело давно прошедших лет. Так и просится догадка: а не спровоцировано ли было столкновение между братом и сестрой? Не с тем ли это было сделано, чтобы добиться ситуации, комуто выгодной, нужной. Комуто, тонко рассчитавшему ход событий, не терпелось видеть Петра единовластным правителем. Не будем вдаваться в злобные придворные интриги, следствием которых было бегство Петра, разрыв его со многими хорошими людьми правительства Софьи, как, например, с хорошо образованным, «думавшим даже об уничтожении крепостного права – Василием Голицыным».

Неприятнь действительно висела в воздухе. Незадолго до главных событий, приведших к бегству Петра, Софья говорила Елизарьеву и Гладкому с двумя стрельцами: «Долголь нам терпеть? уже житья нашего не стало от Бориса Голицына, да от Льва Нарышкина: Царя Петра они с ума споили, брата Иоанна ставят ни во что; комнату его дровами закидали, меня называют девкою, как будто я и не дочь царя Алексея Михайловича: князю Василью Васильевичу хотят голову отрубить, а он добра много сделал: Польский мир учинил; с Дону выдачи беглых не было, а его промыслом и с Дону выдают. Радела я о всячине, а они все из рук ташат. Можно ль на вас надеяться? Надобны ль мы вам? А буде не надобны, мы пойдем себе с братом, где кельи искать».

В стане стрельцов началось брожение. Буйные речи слышались в их кругу.

«Дело, по видимому, приближалось к развязке, – пишет М. П. Погодин («Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого»). – Ясно было, что София хотела, во что бы то ни стало, удержать власть в своих руках, а Петрова сторона с такою же решимостью хотела вырвать власть из рук у нея.

Сам он, занятый своими кораблями и полками, не принимал, кажется, живаго, деятельного участия в наступавших событиях, и поступал только по внушениям родных, исполнял как будто задаваемые уроки, и думал больше всего о своих экзерцициях».

Гордон 31 августа записал в дневнике: «Пыль и раздражение увеличиваются, и кажется, что оне скоро должны разразиться вполне».

«Ни той ни другой стороне, – пишет далее М. П. Погодин, – не убежденной в успехе, долго не хотелось начинать спора. Петрова сторона опасалась стрельцов. Софьиная не была уверена в их единодушии, готовила, подкупала. Обе кажется хотели выждать благоприятных обстоятельств, надеялись на случай, чтоб нанести решительный удар обороняясь, а не нападая. Им страшно было навлечь на себя тяжелое обвинение в возбуждении междоусобия; им нужно было иметь на всякий случай основание для оправдания».

«Ходят такие слухи, – заносит в дневник Гордон, – что и пересказывать их страшно».

В воздухе носились слухи о возможности убийства Петра. Именно в это время и появляются в Преображенском стрельцы-перебежчики. «Они, вероятно подкупленные, – замечает М. П. Погодин, – собирались донести Петру об умысле на его жизнь...»

Любопытно, с чего конкретно возникала взрывоопасная ситуация. Проследим, как излагает ход событий М. П. Погодин.

Он пишет, что 7 августа, в пятницу, царевна Софья велела Шакловитому нарядить побольше стрельцов в Кремль для ее сопровождения на богомолье пешком в Донской монастырь к заутрене. «Но вскоре объявилось будто на Верху подметное письмо с известием, что

ночью Царь Петр прибудет в Кремль с своими потешными убить ее с сестрами и братом, старшим Царем, и перенять власть в свои руки».

Узнав о письме, князь В. В. Голицын приказал закрыть ворота в Кремль, запереть их в Китае и Белом городе и никого туда не пускать.

«Ночью многие стрельцы зашли было в Кремль, – отмечает Гордон (он очень наблюдателен и внимателен к происходящему), – но никого туда не пустили, кроме известных лиц. Это встревожило партию младшаго Царя до того, что все, о том узнавшие, поспешили в Преображенское».

Кто подбросил подметное письмо, кто направил подкупленных стрельцов к Петру в Преображенское – о том нет известий. Любопытнее всего то, кто вскоре стал наиболее близким Петру в результате произошедших событий. В силу каких причин, о том не станем говорить. Заметим, однако, что в числе наиболее приближенных к Петру объявился и Петр (Патрик) Иванович Гордон.

«До 25го числа время тянулось однакож в неизвестности: из стрельцов и солдат не многие явились к Троице.

Знаменитый Лефорт, будущий друг Петров, был, кажется, из числа первых, чем и началось их сближение, которое вскоре укрепилось сходством в нравах и вкусах, в расположении к веселости, – пишет М. П. Погодин и продолжает: – «...Прибытие иностранных офицеров к Троице, – замечает с гордостью, впрочем несколько лишнею, Гордон, – положило делу конец, ибо тогда все заговорили открыто в пользу Царя».

Разные люди и по разным причинам шли к Троице: одни по зову сердца, другие – из корысти и по расчету. Кто какие помыслы преследовал, показало время.

IV

18 февраля 1690 года родился наследник.

«Как приспеет время родится царевичу, и тогда царица бывает в мыльне, а с нею бабка и иные немногие жены, а как родится, и в то время царю учинится ведомо, и посылают по духовника, чтоб дал родилнице, и младенцу, и бабке, и иные при том будучим же нам молитву и нарек тому новорожденному младенцу имя; и как духовник даст молитву, и потом в мыльню входит царь смотреть новорожденного, а не дав молитвы, в мыльню не входят и не выходят никто. А даетца новорожденному младенцу имя от того времени, как родится, счетчи вперед в восьмой день, которого святого день, и ему тож ими и будет».

Царевич родился глубокой ночью. Имя ему было дано – Алексей.

В тот день, 18 февраля, был у государей стол, в честь рождения царевича, Петрова наследника. День этот многим запомнился разразившейся распрей и ссорами меж собравшимися. Генерал Патрик Гордон, приглашенный к торжественному столу, как пишут, должен был после жаркого спора удалиться из дворца. Удалился он по настоятельному требованию патриарха Иоакима, люто и не без причины ненавидевшего немцев. (Через месяц Иоаким умрет.) Твердость и принципиальность этого человека, любившего посвоему Россию, ее традиции, обряды, людей, сыграла свою роль в происхождении распоряжений, затрудняющих приезд иностранцев в Россию. Патриарх умолял Петра не верить «проклятым еретикам», не вверять им ни в коем случае начальства над войском. Ни один иностранец, ни один иноверец не должен занимать никаких должностей (русские ли уступают им в уме и сообразительности?), – убеждал он. В этом гибель России.

За торжественным столом Иоаким объявил решительно:

– Иноземцам при таких случаях быть неприлично.

Оскорбленный, обиженный Гордон удалился. Петр, казалось, был задет за живое.

23 февраля устроен был парад войск. Командовал Гордон. От имени всего войска он в торжественной речи поздравил Петра с рождением наследника. Петр принимал поздравления.

Первые годы супружеской жизни Евдокии Федоровны с Петром Алексеевичем прошли спокойно. Супруги жили в согласии, любили друг друга, о том можно судить по немногим сердечным письмам царицы к мужу.

«Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу, – писано ею в 1689 году, – здравствуй, свет мой, на множество лет!

Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам из Переславля не замешкав. А я при милости матушки жива. Женишка твоя Дунька челом бьет».

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть?.. И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим женка твоя челом бьет».

В 1693 году, в бытность царя на Белом море совместно с Петром (Патриком) Ивановичем Гордоном, Евдокия Федоровна продолжала писать столь же нежные письма.

«Предражайшему моему государю радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здоровьи своем, чтоб мне, слыша о твоём здоровьи, радоваться. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здоровьи. А про нас изволишь милостию своею памятовать, и я с Алешенькою жива. Женка твоя *Дунька*».

Вместе с письмами Натальи Кирилловны Евдокия Федоровна неоднократно посылала письма к Петру от их сына. Растила она его в любви к отцу. Да и не о том ли, как оба – мать и сын – смотрели на отца, можно судить по письму царевича: «Государю моему батюшке, Царю Петру Алексеевичу сынишка твой Алешка, благословения прося, и челом бьет. Прошу у тебя Государя батюшка милости: пожалуй, Государь батюшка, отпиши ко мне пра свое многолетно здоровье, чтобы мне, Государь батюшка, слыша про твое многолетное здоровье, радоваться. Изволишь, Государь батюшка, милостию своею напаметовать, и тетушка и матушка в добром здоровью, и я молитвами твоими при милости их жив. С. т. А. б. п. ч.» (то есть: сын твой Алексей бьет покорно челом. – Л. А.).

Не явно ли слышен здесь голос Евдокии Федоровны?

Писем Петра к жене не найдено. Они нигде не опубликованы. Во всяком случае, в поле нашего зрения они не попали. Нет ничего, что относилось бы к Евдокии Федоровне, и в письмах его к матери. Тем не менее смело можно сказать, заметил еще М. Семевский, что до смерти царицы Натальи, наступившей 25 января 1694 года, отношения Петра с женой были самые дружественные и что жили они в любви и согласии.

Евдокия Федоровна виделась или, скажем, представлялась некоторым русским историкам идеалом так называемых допетровских женщин, образцом цариц московских XVII века.

В самом деле, «робкая, неподвижная воспитанница монастырского терема, которой и глаза поднять кверху было больно», набожная весьма, она, как пишут, обывкалась с теремным заточением; она нянчится с малютками (через полтора года после Алексея у супругов родился второй сын – Александр), читает книги церковные, беседует с толпой служанок, с боярынями и боярышнями, вышивает и шьет. (В 1727 году, по воцарении Петра II, издан был манифест. В нем уже обвиняли Эммануила Девиера – зятя А. Д. Меншикова, Писарева и прочих в посягательстве на священную особу императора, в злых отзывах о царицебабке. Толстой, Писарев и др. в пытках показали: «Мы де особенно страшились, чтобы в воцарение Петра Алексеевича не получила бы силы его бабка; потому что она старого обычая человек, может все переменить по старому; и понежеде она нраву гневного, жестокосердого, то захочет отомстить нам за сына».)

Царица Наталья Кирилловна без памяти любила внука, благоволила снохе. Петра же, находившегося в Архангельске с Гордоном, именем Олешеньки звала в Москву, домой.

Шести лет царевич стал учиться грамоте. Определили к нему учителем Никифора Вяземского, человека слабого и бездарного. Доносил он витиеватым письмом Петру Алексеевичу в Азов, что царевич начал учить часослов.

V

Поразному смотрели на роль Евдокии Лопухиной русские историки. Так, Н. Г. Устрялов считал, что главным несчастьем маленького царевича было то, что до девяти лет находился он под влиянием и надзором матери, «косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей все, что нравилось Петру». Он же считал, что и все родственники ее, без сомнения, оставили самое невыгодное впечатление в уме слабого отрока. И потому именно стрельцы при розыске 1698 года говорили, что он немцев не любит, а враги Петра I смотрели на царевича как на свою будущую надежду.

А вот что писал М. П. Погодин: «Царевич родился, когда отцу и матери его было с небольшим по 16 лет. Отец и мать сами были почти детьми, и, по законам физиологии, едва ли могли питать в полной силе родительские чувствования, точно так не могли в подобной молодости соединиться между собой тесными сердечными узами: это была почти случайная встреча. А когда мы вспомним, что деятельность Петра давно уже получила особое направление, и что он пристрастился к военным упражнениям на воде и суше, занялся с горячностью кораблестроением, примерными и потом настоящими походами, а с другой стороны, что Петр познакомился рано, в Преображенском, с разгульной жизнью и всеми ее удовольствиями, в кругу молодых, веселых товарищей и буйных иностранных выходцев, то и поймем, что между молодыми супругами не могло образоваться никакой прочной связи, даже привычки; так как и отеческое чувство не могло пустить глубокого корня. Безпрестанно в разъездах, в Переславле, Воронеже, Архангельске, под Азовом, находя себе развлечения без разбору на всяком ночлеге, Петр, с пылким темпераментом, постепенно отвыкал от жены, которая своей законной ревностью, взыскательностью и может быть старинной чопорностью, несогласною с новыми его обычаями, сама увеличивала отвращение в продолжение кратких свиданий».

Прервем здесь чтение строк труда М. П. Погодина, чтобы напомнить, как много позже, в 1729 году, дук Лирийский и Бервикский, во время пребывания его при российском дворе в звании посла короля испанского, собирая сведения о членах семьи императорской фамилии, записал и такую информацию: «Царица, бабка Царская, происходит из дома Лопухиных, одного из древнейших в России. Петр I женился на ней в 1689 году, и она родила ему Царевича Алексея, умершего в 1718 году и оставившего после себя сына, ныне владеющего Государя. Они жили очень согласно между собою до тех пор, пока ненависть Царицы к иноземцам и ко всем обычаям Европейским, кои Царь очень любил, не произвела между ими охлаждения, так что Петр наконец удалил ее в монастырь...»

Решение о разводе с Евдокией было принято во время пребывания Петра за границей (он выехал в чужие края вместе с Лефортом в марте 1697 года). Напомним, перед самым его отъездом открыт был заговор Соковнина, Циклера и Пушкина, которые хотели убить царя. Был розыск, заговорщики казнены. В опале оказались братья и отец царицы, возможно заподозренные в связях с казненными государственными преступниками. Недавние родственники Петра были разосланы в заточение по разным городам. Изза границы молодой царь настоятельно требовал от своих наперсников уговорить Евдокию постричься в монахини. Царица воспротивилась. Протест был резкий и категорический. Вернувшись в Россию в 1698 году, Петр сломил ее сопротивление, насильно сломил, можно сказать, преступно, в результате чего Евдокия была отправлена в суздальский Покровский монастырь. Там она была пострижена. «За что? – пишет М. П. Погодин. – Нет никаких известий. Если бы Евдокия была действительно в чемнибуду»

виновата, то, без сомнения, вины ее были бы вспомнаны в знаменитом осуждении 1718 года, где не оказано ни малейшей пощады никакому чувству. Там приписано только рукою самого царя, что она была удалена «для некоторых ее противностей и подозрения».

Что сказать о таком поступке? Он говорит за себя сам. Заточив в монастырь молодую двадцатидвухтрехлетнюю женщину, через пятьдесят лет брачной жизни, мать двоих сыновей, без вины или почти без вины, в угоду своим прихотям или другим склонностям, – это жестоко, бесчеловечно и в высшей степени самоуправно...

Царевич взят от матери осьми лет и семи месяцев к царевне Наталии Алексеевне.

«Главным несчастьем было то, – говорит г. Устрялов, – что до девяти лет царевич находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины, и ненавидевшей все, что нравилось Петру».

Едва ли! О каких девяти годах идет здесь речь? От 1690 до 1698го. Да, Петр в эти годы не делал еще никаких особенных нововведений: он ходил в походы, строил суда, водился с иностранцами, вот и все. Притом мать сама еще была очень молода... и едва ли могла оказывать предпочтение старине пред новизною, еще очень ограниченной, и даже понимать их различие: она могла жаловаться на частые отлучки мужа, могла ревновать его, – и только; но все это не могло иметь влияния на воспитание царевича, который воспитывался по общему обычаю: так – читаем мы донесения Петру его учителя, Вяземского, о том, что царевич по 7 году начал учиться грамоте и потом посажен за часовник». М. Семевский:

«Родственники ея еще пользовались расположением и вниманием царя. Так в 1697 году в числе знатнейших молодых вельмож того времени, государь послал за границу родного брата своей жены, Абрама Федоровича Лопухина. В числе тридцати девяти стольников Лопухин отправлен был в Италию; к нему приставили солдата Черевина. Солдаты были представлены как для изучения морского дела, так и для надзора за прилежанием баричей, которым объявлено, чтоб они не думали возвращаться в Россию без письменного свидетельства заморских капитанов в основательном изучении кораблестроения и мореплавания, под страхом потери всего имущества. Из числа этих денщиковшпионов Григорий СкорняковПисарев впоследствии играл важную роль в судьбе царицы Авдотьи Федоровны».

Но вскоре Петр заметно охладил к своей супруге и уже неохотно с нею переписывался. Авдотья Федоровна пеняла ему с огорчением, как видно из следующего письма:

«Предражайшему моему государю, свету радости, Царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лет! Прошу у тебя, свет мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свет мой, о здоровьи своем, чтобы мне бедной в печалях своих порадоваться. Как ты, свет мой, изволил пойтить, и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровьи ни единой строчки. Только я, бедная, на свете безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своем. Не презри, свет мой, моего прошения. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здоровьи. Отпиши, радость моя, ко мне... и я с Алешенькою жива».

Из этого письма, говорит г. Устрялов, очевидно, что и по смерти царицы Натальи Кирилловны, поддерживавшей согласие между сыном и невесткою, Авдотья Федоровна не теряла надежды на любовь мужа. Решительный разрыв последовал, кажется, перед отъездом царя за границу, по открытии заговора Соковнина.

Около того времени, в марте 1697 года, страшная опала поразила отца и дядей царицы. Бояре Федор Абрамович и братья его, Василий и Сергей, были сосланы на вечное жительство в Тотму, Саранск и Вязьму. Чем прогневали они государя – неизвестно. О причине их ссылки не мог ничего узнать и г. Устрялов, имевший в своих руках все достовернейшие документы того времени.

Тогда же решено было удалить Авдотью Федоровну в монастырь: по крайней мере, из Лондона царь прислал повеление боярам Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрешневу, также духовнику царицы, склонить ее к добровольному пострижению.

«О чем изволил ты писать к духовнику и ко Льву Кирилловичу, и ко мне, – отвечал Стрешнев 19 апреля 1698 года, и мы о том говорили прилежно, чтобы учинить во свободе, и она упрямится. Только надобно еще отписать к духовнику, и сами станем и еще говорить почаству. А духовник человек малословный: а что ему письмом подновить, то он больше станет прилежать в том деле».

Петр подтвердил свою волю по возвращении из Лондона в Амстердам, повелев и князю Ромодановскому, 9 мая 1698 года, содействовать Стрешневу:

«Пожалуй сделай то, о чем тебе станет говорить Тихон Никитич, для Бога...»

«18 июля 1698 года, в Вене, был дан в честь русского посольства великолепный обед. Явился заздравный кубок, наполненный мозельвейном; все гости встали и пили здоровье императора, провозглашая его по очереди друг другу, пока кубок не обошел всего стола. Во все это время гости стояли. Перед обедом условились было, чтобы Лефорт провозгласил таким образом здоровье императрицы и потом короля Римского, барон же Кенигсакер здоровье царицы Московской: но ни то, ни другое пито не было, потому ли, что обряд был слишком продолжительным, или, вероятнее, потому, что царь уже сомневался, не была ли его жена в сговоре с Софией...» (Не внушена ли была эта мысль Лефортом или же кемто, стоящим за ним? – Л. А.)

Иному читателю покажется, что много, мол, в работе приводится выдержек и цитат из трудов ученых прошлого, но я и не ставил своей задачей делать какие-то новые исторические открытия, а только попытался, по мере своих сил и возможностей, извлечь из забвения несправедливо забытые материалы и дать возможность ознакомиться с ними современному читателю и вместе поразмышлять над тем или иным фактом. Думаю, читатель извинит за это необходимое для меня отступление. Но вернемся ко временам от нас далеким.

Весть о стрелецком восстании 1698 года достигла Петра за границей. У него была давняя неприязнь к этим поборникам русской старины. Помнил он о казни стрельцами боярина Матвеева – сторонника матери и ближайшего друга отца. Не забывал, как люто ненавидели они немцев, как ратовали за Софью. Помнил он с детства, как ловили стрельцы в Немецкой слободе чужестранцев – двух докторов – Даниила фон Гадена да Ивана Гутменша, обвиняемых в отравлении царя Феодора Алексеевича (о том все в Москве слышали). И вот теперь, подстрекаемые ярыми противниками чужестранцев, двинулись к Москве белокаменной полки великолуцких стрельцов. Задумали они вызволить из неволи Софью и ей поручить правление государством, а ежели откажется – передать власть сыну Петрову – маленькому царевичу Алексею. Желали они с установлением нового правительства отменить все нововведения. Но близ столицы войска восставших были разбиты, а точнее сказать, расстреляны пушками Петра (Патрика) Ивановича Гордона и боярина Шеина.

Стрельцы были побеждены. Главных зачинщиков казнили. Для совершения ужаснейшей кары над сотнями остальных спешил сам Петр. 25 августа, в шестом часу пополудни, вернулся он с Лефортом и Головиным изза границы. В тот же вечер государь навестил несколько приятственных его сердцу домов в городе, побывал в Немецкой слободе, навестил Анну Монс и на ночь отправился в Преображенское. «Крайне удивительно, что царь, против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия еще одержим прежнею страстью; он тотчас по приезде посетил немку Монс...» Не побывал государь Петр Алексеевич лишь в одном доме, в котором, может быть, его как нигде поджидали и волновались в ожидании встречи. Не свиделся он с особой, нетерпеливее всех ждавшей его, – с царицей Авдотьей Федоровной.

По приказу Петра ее продолжали убеждать добровольно удалиться в монастырь. 31 августа, как свидетельствует Гвариенти, государь в доме почтмейстера Винуса беседовал с Евдокией Федоровной в течение четырех часов. Он убеждал ее добровольно удалиться в монастырь. Евдокия проявила твердость и отказывалась дать на то согласие. То, что беседа продолжалась так долго, говорит о том, что Петр с уважением относился к жене. Видимо, какие-то качества ее были симпатичны ему. Не решился он сразу, одним махом, волею своею, без беседы с ней, удалить ее в монастырь. Правда, в дневнике у Корба есть сообщение, что Петр беседовал не с женой своей, а с любимой сестрой – Натальей Алексеевной. Но доверимся Н. Г. Устрялову, заметившему, что свидетельство Гвариенти «вероятнее потому, что с любимую сестрою царь без сомнения виделся и прежде».

В разговоре с мужем Евдокия, повидимому, проявила определенную твердость и показала свой характер. Беседа Петра с женой не привела ни к чему. Государь прибегнул к силе. Недели три спустя царевна Наталья Алексеевна, исполняя волю брата, увезла царевича Алексея из кремлевских палат в Преображенское, оторвав восьмилетнего мальчика от матери, а 25 сентября, как пишет Гордон, волею-неволею, в самой простой карете, без свиты, Авдотья Федоровна отправлена в суздальский Покровский девичий монастырь.

«Со всем почтением, – пишет историк М. М. Щербатов, – которое я к сему великому в монархах и великому в человеках в сердце своем сохраняю, со всем чувством моим, что самая польза государственная требовала, чтоб он имел кроме царевича Алексея Петровича законных детей, преемниками его престола, – не могу я удержаться, чтобы не охулить развод его с первою его супругой, рожденною Лопухиной, и второй брак, по пострижении первой супруги, с пленницею Екатериною Алексеевною... Пусть монарх имел к тому сильные причины, которых однако ж я не вижу, кроме склонности его к Монсовым, сопротивления жены его новым установлениям». В чем заключалась вина царицы перед своим мужем? Сие, писали историки прошлого, остается тайною. Некоторые иностранные писатели (Левек, Вильбоа, Лекрерк) уверяли своих читателей в том, что удалению Евдокии Федоровны из первопрестольной особенно содействовал А. Д. Меншиков (не утверждали ли они чью-то версию, отводя гнев на Меншикова, зная, что причина в другом?). Меншиков, писали они, в это время был в фаворе, имел сильное влияние на «ум и волю государя». Прочитаем строки, написанные Вильбоа: «Гордая царица не любила Меншикова, как безвестного простолюдина, взятого с улицы и изпод пирожкового лотка поставленного на ступенях трона. На ее презрение царский фаворит отвечал ненавистью и умел подвигнуть государя к ссылке и заточению Лопухиной». Но согласимся с тем, что о ту пору, как говорили в старину, Александр Данилович не был еще настолько силен, чтобы руководить действиями и волей Петра. Он еще только набирал силу, приглядывался и оглядывался.

В июне 1699 года окольный Семен Языков объявил архимандриту суздальского Спасо-Ефимьева монастыря Варлааму именное царское повеление. Согласно повелению, пострижена была Евдокия Федоровна в келии старицы Маремьяны, под именем инокини Елены.

По столице пополз слух, будто остудила мужа к жене законной царевна Наталья Алексеевна. Ненавидела она ее. За что? Богу о том одному известно. Может, за нрав, а может, за красоту. Да только о неприязненном отношении царевны к царице говорили стрельчихи, говорили упорно. А можно ль им не верить? Впрочем, Н. Г. Устрялов замечал, едва ли это справедливо: «то был простонародный толк стрельчих, не знавших дела». Все же многие склонялись к тому, что Евдокия Федоровна пострадала, будучи старого покроя человек. Александр Гордон в своей «The History of Petor» (1775 г., II, 281) пишет, что она отдала супруга от себя «безотвязною ревностью и упреками за привязанность его к иностранцам». Все в роду Лопухиных питали неприязнь и ненависть к иноземцам. Неприязнь эта была не случайной, как мы то увидим позже. Она доходила до того, что однажды один из братьев Евдокии Федоровны в присутствии

царя оскорбил Лефорта. Шведский резидент Кохен, как и все иностранные посланники, внимательно наблюдавшие за происходящими событиями при царском дворе, сообщал об одном примечательном обеде у Лефорта 26 февраля 1693 года, на котором присутствовал государь. «В жару спора Лопухин (не Абрам ли Федорович? – спрашивает М. Семевский) стал поносить генерала самыми непристойными выражениями, наконец схватился в рукопашную, и в драке сильно измял прическу великого адмирала. Царь тут же заступился за своего любимца и наказал оскорбителя пощечинами».

Поблагодарим серьезного исследователя за переведенный им и приведенный в своем исследовании документ и прервем чтение его труда на этом месте. (Канву событий мы прослеживали согласно его изложению.)

На короткое время вернемся и остановимся на событиях февраля 1693 года. Жива мать Петра Наталья Кирилловна. Супруги живут дружно. О размолвке нет и речи. Растет и маленький Алексей. Авдотья (Евдокия) только пеняет на частые отлучки мужа и на связь его с немцами, которую не одобряет и свекровь. Оба без ума любят Петра. Чем же вызван гнев брата Лопухиной? Нам не восстановить истинного разговора, происшедшего в тот день между Лопухиным и Лефортом – этим устройтелем пиршеств и веселий Петровых, не сыскать нам и охульных слов, сказанных в адрес царского любимца, но мы можем смело сказать, что поводом к серьезному столкновению было то, что, приблизившись к Петру, Лефорт настоящим образом совращал молодого царя, за что и был побит братом Евдокии Лопухиной.

Неприятнь к немцам была неприкрытой у русских людей. Выражалась она не к одному Лефорту, но и к Патрику Гордону – генералу иезуиту, и к другим иноземцам, окружавшим государя. Попробуем поближе приглядеться к этим людям, а заодно заглянем в Немецкую слободу, так близко расположенную от Москвы.

VI

В 1841 году в Санкт-Петербурге, в типографии Н. Сахарова, вышла редкостная даже по тем временам книга «Записки русских людей». Опубликованы в ней были и «Записки Петра Ивановича Гордона». А в предуведомляющей записки статье находим следующие сведения о Патрике Ивановиче: «Патрик Гордон, бывший в русской службе под именем Петра Ивановича, родился 31го мая 1635 года (на 37 лет старше Петра I. – Л. А.), в родовом своем имении, в Шотландии. Шестнадцать лет провел он в доме родительском, обучался под надзором отца и успел уже вмешаться в распри разных вероисповеданий. Отец скоро удалил его от этих неприятностей, отправив в Данциг. Гордон, прибывший в этот город, не нашел ничего сообразного со своим характером и переселился в Браунсберг. Здесь его приняли в Иезуитское училище. Два года строгой жизни до того наскучили ему, что он скрытно удалился в Данциг, с намерением возвратиться в свое отечество; но, за удалением кораблей, переменял свое желание и отправился в Варшаву, где тогда была знаменитая рота Шотландцев князя Радзивилла. Здесь он встретил только неудачи: Радзивилл был в отсутствии. Гордон переехал в Познань, где поляки снабдили его деньгами. Отсюда переселился в Гамбург. Здесь его приняли в Шведскую службу рядовым драгуном в полк герцога Саксен-Лауэнбургского. Из этого полка он перешел в полк графа Понтуса ДеЛагарди в 1656 году. Здесь его Поляки захватили в плен, и как военнопленного присудили на смерть. По ходатайству францисканского монаха он был избавлен, с условием вступить в Польскую службу. Шведы снова полонили его, и генерал Доглас взял его к себе в роту Шотландцев, а в 1656 году он поступил поручиком в полк герцога Цвейбрикенского. Вскоре он вторично был взят Поляками в плен, поступил в службу и дослужился до капитанпоручика. Оливский мир, заключенный в 1660 году, прекратил военные действия.

Гордон выпросил увольнение и собрался на родину. Здесь с ним встретился наш посол Замятия Федорович Леонтьев и уговорил его вступить в Русскую службу.

Гордон из Польши переехал в Россию в 1661 году и был принят майором в полк Крафорда. С тех пор он прослужил в России 38 лет. Первые годы его службы протекли в Малороссии, где бунтующие казаки, Крымские татары и Турки беспрерывно впадали в Русские владения. В 1662 году произвели его в подполковники, а в 1665 году в полковники. На другой год его отправили в Лондон с поручением ко двору. Гордон возвратился в Россию в 1667 году. Находясь в Чигиринской осаде с князем Ромодановским, он отличил себя и был возведен в генералмайоры, а в 1684 году его произвели за Киевскую службу в генералпоручики.

В 1684 году, приехавши в Москву, с решительным намерением удалиться из России, был удержан князем Голицыным. Мнения, поданные им князю Голицыну, выказывают вполне и его способности и доверенность Правительства. Голицын не хотел с ним расстаться. Именем Государей Гордона отправили в Киев для управления полками.

Два года после сего из Киева умолял он отпуск, писал письма в Москву и в Лондон. Грамота Английского Короля, присланная к Государям, смягчила нашу думу, и Гордону было дозволено отправиться одному в Англию, на самый короткий срок. С приездом своим в Москву, Гордон принес челобитную, и просил решительной отставки. Недоброжелатели оклеветали Гордона пред правительством: грамота Английского Короля увеличила еще более подозрение, и его разжаловали в прапорщики. В это время Голицын готовился в Крымский поход. Гордона простили, возвратили чин и вверили Бутырский стрелецкий полк. За Крымский поход его наградили чином полного генерала.

Предвидя замыслы Щекловитого, он первый явился для охранения Петра в Троицкую Лавру. Здесь Государь узнал его лично и вверил ему обучение своих солдат. С этого времени юный Государь имел к нему полную доверенность; советовался с ним в делах; призывал его во дворец и сам посещал его. В 1692 году он взял его с собою осматривать суда, построенные Брантом на Переславском озере, где ему показывал их, а в августе плывал с ним по Переславскому озеру. В 1693 году Государь вверил ему в управление Потешные роты, и сам приезжал в Преображенское смотреть на его учение.

В 1694 году Гордон плывал с Государем по Белому морю. В это время в Москве приготавлились к Кожуховскому походу. Гордон написал на море инструкцию для производства осады. Во время взятия Кожуховского городка он был сам инженером.

В 1695 и 1696 годах Гордон находился при Государе в Азовских походах...

После отъезда Государя за границу Гордона отправили в Азов и велели находиться при постройке Таганрога.

Последним делом Гордона было усмирение стрельцов под Воскресенским монастырем вместе с боярином Шеиным.

Гордон скончался в 1699 году... Государь, посещая его ежедневно в болезни, был при самой его смерти, и когда скончался, то закрыл... ему очи своею рукою, и потом поцеловал его в лоб, и при великолепном погребении сего мужа присутствовавшим чужестранцам и своим со слезами провозгласил: «Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала. Когда б не Гордон, Москве было бы великое бедствие». Потом, когда поставили гроб в могилу, то Государь, кинув туда земли, сказал к предстоявшим: «Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое Государство земли с Азовом». Сей чужестранец, по сказанию тех, кои его лично знали, любим был не токмо Петром Великим, но и подданными его. Смерть его была сожалением всеобщим».

Биографическая справка, приведенная нами, написана человеком, явно с симпатией относящимся к Патрику Гордону. Доброжелательство сквозит в этих строках.

Это, так сказать, официальное представление Гордона.

Из приведенной биографии отметим следующее: в Браунсберге Патрик Гордон был принят в Иезуитское училище.

Вплоть до 1689 года, пока был силен в своей власти Василий Васильевич Голицын, друг и советник Софьи, мы видим Патрика Гордона в кругу лиц ближайшего окружения этого именитого князя – начальника посольского приказа (читай, понынешнему министр иностранных дел). Василий Васильевич, в совершенстве владея латинским языком, без посредства переводчиков общался с иностранными посланцами. Особенно приятно было общение с ним представителям католических стран, так как был склонен предоставить иезуитам в России известные права и расширить привилегии католиков.

VII

В то время в Европе поднимался восточный вопрос. Не только Россия, но и некоторые другие страны подумывали не об одних оборонительных мерах. Турки, осадившие в 1683 году Вену, готовились отражать нападение нескольких стран. Папа, Венецианская республика, Польша готовы были заключить союз для борьбы с турками. На Балканах начинали вслух говорить о близкой гибели проклятых врагов. Турки затихли.

Как замечает Брикнер, в возгоравшейся борьбе с Турцией Польша могла выйти победительницей, могла быть и побежденной, но последствия для России были одинаково важны. С победой Турции, пишет этот историк, можно было ожидать появления турецких полчищ под самой стеной Киева, с победой Польши над Турцией, без содействия Москвы, следовало опасаться быстрого перевеса соседа и снова поставить Киев на карту.

Оставалось только обстоятельно договориться с Польшей.

В Андрусове шли переговоры. В. В. Голицын в эти дни поручил Патрику Гордону высказать свое отношение к восточному вопросу. Гордон принялся обдумывать ответ. Он знал, что от ответа зависит его будущее...

Протестантство и иезуитское латинство были одними из главных сил, которые управляли в те времена судьбами Западной Европы.

Англичане – представители свободолюбивого протестантства – и мрачно деспотическое иезуитство сошлись, не сговариваясь, на том, чтобы поработить Россию, впрочем, как и другие территории, – Англия посредством торговли, иезуиты – своему папству. Естественно было бы считать, что при таком взгляде на вещи, при таких задачах те и другие должны были смотреть на Россию как на плохо обработанное сырье, требующее переработки, перекройки. Существующее положение дел в России их не удовлетворяло. Так полагал видный историк своего времени М. О. Коялович. Он был не одинок в своих предположениях.

Но к России надо было подступиться. Ее надо было изучить. Требовались опытные эмиссары. Одним из таких ловких людей стал Поссевино.

Иезуит Антонио Поссевино посетил Россию в 1581–1582 годы, под конец царствования Иоанна IV. Русский государь находился в сложной ситуации. Ливонская война вконец измотала Россию, опустошала казну, а шведы и Речь Посполитая наседали и наседали.

Надо было искать мира.

Боярская дума на заседании 25 августа 1580 года решила «послати наскоро в Рим и к Рудолфу цесарю от себя с грамотами в гонцах Истому Шевригина».

Можно вообразить, как обрадовались в Риме русскому послу, где с давних пор искали возможности завязать дипломатические отношения с Россией.

Грозный решил выйти из войны дипломатическим путем. К Риму он обращался за посредничеством. Мир между Россией и Речью Посполитой нужен был папской курии для войны с турками. Интересы Иоанна IV и Григория XIII в данном вопросе совпадали. А кроме того, папа хотел заручиться поддержкой России в своей непримиримой борьбе с протестан-

тами. На Россию же святейший престол смотрел как на возможный трамплин для вторжения в Азию. Нужна, очень нужна была эта северная страна папству. При римском дворе начали деятельно готовить к отправке в Россию своего представителя. Именно для выполнения этой сложной миссии был назначен идеолог католицизма, иезуит Антонио Поссевино.

47-летний дипломат, недавний секретарь генерала ордена иезуитов, Поссевино обладал незаурядными способностями.

Надо ли говорить, как внимательно были проштудированы им все имеющиеся в архивах тайные материалы, посвященные русскому государству и царскому двору. Человек глубокого ума, он анализировал ситуацию, изыскивал возможности решить поставленные перед ним задачи. А были они далеко не простыми. Надо было помирить Россию и Польшу, дабы обе страны двинуть против турок. Это должен быть союз двух католических государств. Папская курия, инструктируя легата, предписывала Поссевино добиться, чтобы христианские государи соединились, приняли римскокатолическую веру и согласились признать папу своим главой.

Царь Иоанн IV, как известно, сумел извлечь выгоды из миссии иезуита, провести его; заключив мир с Баторием, он, как только дело коснулось чести православия, позабыл о дипломатии и так выразился в адрес папы римского, стуча посохом, что ни у кого из присутствующих не оставалось сомнений – миссия потерпела крах.

Однако, возможно, именно это и укрепило викария в мысли, что через русское правительство можно многое сделать для подчинения России папе. Поссевино осознавал, что скоро этого сделать нельзя и нужны особые приготовления. Самые главные из них – школы в духе латинства и обращение в унию православных Западной Европы.

План иезуита коварен, продуман до мелочей. Программа миссионера сводилась к следующему:

1. Создание в Вильне и Полоцке католических семинарий «для русских из королевства польского и для тех, которые были взяты в плен в Московии...». Именно в этом он и убеждал папу Григория XIII. Фактически речь шла о необходимости обучения русских в католических семинариях.

2. Использование католических купцов. Именно купцы должны были, по мысли Поссевино, закладывать в сознание москвитов мысль о возможности пребывания католических священников в России.

3. В качестве разведчиков должны были служить католикотпереводчики, толмачи при посольствах. Миссия их была не нова, но крайне необходима Поссевино: приносить немало пользы, «наблюдая за событиями, выведывая чужие мысли».

Планы его не исключали и определенный отбор книг, и использование католических врачей, и многое другое...

Выражаясь современным языком, речь шла, как замечает М. А. Алпатов, о детально разработанном плане идеологической диверсии в России. К слову сказать, многое из задуманного папским легатом действительно нашло воплощение в жизни.

Коварства иезуитам было не занимать – им пронизано все их существование, вся их деятельность. Цель оправдывает средства – было их девизом.

В одной итальянской рукописи, хранящейся в Париже и относящейся ко времени генерала Аквавивы, какойто неизвестный изобразил деятельность иезуитов на основании личных наблюдений. Рукопись эта носила характер программы и потому называлась «Изложение принципов, которыми руководствуются отцы и иезуиты». Мы читаем в ней следующее:

«В отчетах провинциалов занимает обширное место характеристика государей, их сокровенные мысли, наклонности и намерения; благодаря этим отчетам, генерал и коллегия его ассистентов в Риме имеют всегда ясное представление об общем политическом положении, и следовательно имеют возможность направлять деятельность ордена, согласно его интересам. Посредством исповеди орден получает те сведения, которые государи покупают на вес золота

через своих посланников и шпионов; иезуитам же эти сведения ничего не стоят, кроме расхода на пересылку писем. Посредством исповеди же они узнают настроение подданных, узнают, кто предан государю и кто ему враг. Что же касается светских иезуитов, повинующихся всякому приказанию ордена, то они вербуются из высокопоставленных лиц... Иезуиты... светские... называются тайными иезуитами. Орден содержит их при государях и влиятельных придворных сановниках... они играют роль шпионов и обязаны представлять генералу самые подробные отчеты о прениях тайных государственных советов... Иезуиты оказывают влияние на важнейшие мировые дела».

«В Иезуитском ордене, – говорит Маколей, – сосредоточилась вся квинтэссенция католического духа, и его история тождественна с историей великой католической реакции. Господствуя над всем югом Европы, орден ополчился для новых духовных завоеваний. Невзирая на океаны и пустыни, на голод и чуму, шпионов и уголовные законы, виселицы и орудия пытки, иезуиты проникали всюду и везде неустрашимо вели свою пропаганду. Они являлись в качестве врачей, торговцев, ученых и самых скромных слуг; они учили, вели богословские споры, утешали несчастных, привлекали сердца молодежи, поддерживали впадавших в уныние и подносили Распятие умирающим».

Неудивительно, что через 23 года по отъезде Поссевино, как писал Ю. Ф. Самарин, Москва увидела опять иезуитов в своих стенах, в свите Самозванца. На этот раз ей удалось познакомиться с ними несколько короче. Потом перед историками встанет вопрос: сами ли иезуиты выдумали и воспитали Самозванца или, столкнувшись с ним случайно, только подготовили, снарядили и заострили его для своих целей, как боевое орудие против России?

Наконец, на исходе XVII века, несколько иезуитов, большею частью переодетых, пробралось в Москву. Им удалось пристроиться к колонии иностранцев, состоявших на русской службе. Пожалуй, никто не мог предположить, что приобретенный католиками дом на имя подставного лица – итальянца Гуаскони, также иезуита, станет школой католического просвещения. Пользуясь поддержкой князя В. В. Голицына, миссионерам удалось привлечь к обучению московских детей православной веры.

Все это, разумеется, не могло нравиться тогдашнему патриарху Иоакиму: он обратил внимание царей Иоанна и Петра Алексеевичей на рассадник непрошенных учителей. Обращение патриарха возымело действие, и в 1688 году вся иезуитская колония, как о том сообщает Ю. Ф. Самарин, выпровожена была на счет казны за московский рубеж...

Однако «за иезуитов заступился усердный их ходатай и почитатель, поверенный по делам немецкого императора, Курций. Он убедительно доказывал, что для самого Русского правительства было бы чрезвычайно выгодно развести в Москве колонию людей, которые, не требуя за это никакого жалования от казны, занимались бы... (посвящением. – Л. А.) в латинство детей православного исповедания». Главный аргумент Курция был тайный, служил интересам шпионажа. Помог тут и генерал Патрик Гордон. Разоренное гнездо удалось восстановить.

В своем изложении мы ссылались на труд Ю. Ф. Самарина «Иезуиты в России». Не следует забывать, что книга была написана с точки зрения защитника православия. Будем иметь в виду и следующее: вся сложность вопроса заключалась в том, что с подчинением папизму Россия в значительной степени теряла бы свою независимость и самостоятельность.

Приглядимся поближе к деятельности Патрика Гордона и его ближайших друзей и родственников: Павла Менезия и Франца Лефорта. Все это имеет непосредственное отношение к семье Петра, отчасти мотивирует его взгляды и действия.

VIII

Лето 1567 года выдалось жарким, знойным. В полдень горожане и деревенские жители спасались в тени от жары. Пили квас, спали на сеновалах, в сенях, пережидая жару. Лишь государевы гонцы несли свою службу, мчась по пыльным дорогам государства Российского.

Шел 34й год царствования Иоанна Грозного.

А в далекой Шотландии в эти июльские дни королева Мария Стюарт отреклась от престола.

Протестанты одержали решительную победу над католиками и роялистами. Для нас важно, что это событие не прошло бесследно для России. Недавний цвет шотландской аристократии – «кавалеры», составлявшие корпус офицеров королевского войска, потерпев поражение, испытывая жестокое гонение, вынуждены были покинуть родину. Дорога их пролегла в континентальную Европу.

Надо сказать, шотландцы и до этого часто покидали родное отечество, чтобы «поискать счастья» на стороне. Они вступали в службу к европейским государям. Служба по найму считалась делом привычным и прибыльным.

Вот почему при Иоанне Грозном в Московии появилась и пустила корни ветвь знаменитой шотландской герцогской фамилии Гамильтон. Корни эта фамилия пустила глубокие. Достаточно сказать, что Евдокия Петровна Гамильтон была замужем за родным дядей царицы Натальи Кирилловны, Федором Полуэктовичем, а царский любимец Артамон Сергеевич Матвеев (в доме которого воспитывалась Наталья Кирилловна) был женат на Евдокии Григорьевне Гамильтон. Напомним, именно в доме у Артамона Сергеевича царьвдовец, добрый и мягкий человек Алексей Михайлович познакомился со своей будущей супругой Натальей Кирилловной.

Следом за Гамильтонами, в разные годы, в России появились и обосновались шотландцы: Брюс, Гордон и Менезий. Отныне земля московитская стала их пристанищем. Все трое оставили определенный след в истории русского государства.

Интересен и тот факт, что Менезии находились в родстве с Гордонами и Гамильтонами. Будем также иметь в виду, что эта фамилия в 1571 году породнилась с королевским домом Стюартов.

Десятилетним мальчиком Павел Менезий, как, впрочем, и другие дети из богатых семей, был определен в шотландскую иезуитскую коллегию в г. Дуэ, во Фландрии. Учеба его продолжалась пять лет.

Молодой иезуит, который твердо усвоил основной принцип иезуитов – «цель оправдывает средства», вскоре после окончания коллегии направился в Польшу. Он знал, что родственник его, Патрик Гордон, служа там то в польских, то в шведских войсках, жил безбедно, получая чин за чином. Однако служба у короля ЯнаКазимира тяготила Гордона. Не понравилась она и Менезию. Оба искали случая изменить обстановку. Он не заставил себя ждать. Замятия Леонтьев – русский посланник в Польше, человек сметливый, быстро вникающий в суть вещей, прибыв в 1661 году в Варшаву и познакомившись с Гордоном и Менезием, скоро и без труда уговорил их идти на службу к русскому государю. Оба дали согласие и, снабженные русскими паспортами, 26 июля 1661 года покинули Варшаву.

Дорога была не близкая и не легкая...

Французский агент Невиль, посетивший Москву под видом чрезвычайного поверенного в 1689 году (он был послан маркизом де Бетюном, послом Людовика XIV при варшавском дворе), собирая сведения о московитах, не обошел вниманием и Менезия, с которым позна-

комился в Смоленске, когда направлялся в Белокаменную. Со слов ли Менезия или получив иными путями информацию о вступлении в русскую службу Павла Григорьевича, Невиль предлагает любопытную трактовку мотивов, заставивших шотландца покинуть Польшу. Менезий, будто бы близко сойдясь с женой одного польского полковника, вызван был на дуэль, убил супруга неверной жены, бежал и оказался у русских. Так ли было дело или нет, судить трудно. Сам же Павел Григорьевич, как пишут историки, не любил распространяться о своей службе в Польше. У Гордона же, как заметил еще Н. Я. Чарыков, были чисто служебные и политические мотивы, побудившие его покинуть Польшу. Нельзя не согласиться с этим, ныне уже почти забытым историком, когда он пишет, что шотландец, видимо, понял, что будущность на стороне дисциплинированной и самодержавной Москвы: «На его глазах польское правительство, вместо того, чтобы использовать победу над русскими под Чудновым 1660 года, оказалось обессиленным «конфедерацией», т. е. вооруженным восстанием своей же армии, не получавшей жалованья. Вместе с тем, возраставшее своеволие шляхты... вносило в управление страной гибельную для нее анархию». Шотландец, проанализировав обстановку, принял решение выехать в Москву.

Почти полтора месяца заняла дорога у шотландцев, и только 2 сентября «искатели счастья» оказались в Москве. С любопытством взирали иноземцы на столицу московитов. Пожалуй, трудно было сравнить город с каким-либо другим в Европе. Воистину, было у него свое лицо. Улицы широки, множество церквей, садов. Под звон колоколов миновали они торговые улицы, запруженные народом, заваленные товарами, что казалось невероятным: во многих местах путешественники не видели людей вообще, одни огромные леса и пустыни, не тронутые временем, да болота. Неприветливой, безлюдной казалась им Московия, где не найдешь и постоянного двора и вынужден ночевать там, где застанет ночь.

Здесь же, в Москве, люди ходили в богатых одеждах. Женщин на улицах видно не было. Торговали медом, пряниками, мехами... Дома деревянные, имеют вид деревенских усадеб, окружены плетнями. Храмы также сработаны из дерева, но несколько храмов построены из кирпича и необычайно красивы. Вызывал удивление и Московский Кремль.

Менезий направился в Немецкую слободу. Были у него письма к некоторым ее жителям. В слободе он и остановился на жительство. А через три дня ему сообщили, что он допущен к целованию руки Алексея Михайловича.

Царь русский был внимателен к чужестранцам. Цепким оценивающим взглядом окинул обоих. Дальнейшая судьба их была решена. 9 сентября Гордон и Менезий зачислены на службу, Гордон – майором, а Менезий – капитаном.

В Москве с недоверием относились к чужестранцам, и потому они крепко держались друг друга.

Гордон и Менезий приступили к службе. Первое серьезное дело, в котором приняли они участие, было усмирение мятежа 25 июля 1662 года против боярина Морозова. Мятеж разразился изза выпуска обесцененных медных денег.

Трудно сказать, какие именно причины послужили поводом (внешне все выглядело именно так) для выхода из военной службы новых офицеров и усиленного поиска ими возможностей быть зачисленными в свиту боярина Ф. А. Милославского, отправлявшегося в Персию. Увы, хлопоты остались бесполезными, мест для Патрика Гордона и Павла Менезия в свите не нашлось. Пришлось вернуться к воинским делам.

Приближалась к концу война с Польшей. Осенью 1664 года начались переговоры под Смоленском, приведшие, как известно, в 1667 году к знаменитому андрусовскому перемирию.

Для усиления смоленского гарнизона был направлен полк, в котором служил Менезий. В это время в Смоленске стоял полк стрельцов, командовал которым друг и свойственник А. С. Матвеева, стрелецкий голова Кирилл Нарышкин, дед Петра I. За четыре года пребывания

в Смоленске Нарышкин и Менезий сблизились и крепко подружились. Знакомство это было очень важным для шотландца.

Не станем рассказывать о командировке Менезия в Швецию и поездке на родину. Остановимся на 1672 году, когда А. С. Матвеев, назначенный в 1671 году начальником посольского приказа, вызвал Менезия в Москву и последний был направлен с дипломатической миссией в Берлин, Вену, Венецию и Рим. Как видим, желание Менезия заняться дипломатической работой исполнилось. Именно эта миссия Менезия и представляется нам исключительно важной для объяснения его влияния на русского государя.

В Риме Менезию предстояло встретиться с папой Климентом X. Русский посланник, владея многими европейскими языками, по дороге в Рим вел переговоры, не устал хвалить царя Алексея Михайловича, заводил знакомства.

Выполнив формальные обязанности, заключавшиеся в передаче царской грамоты Клименту X и получении от папы письменного ответа, Павел Менезий отбыл в Москву.

В 1674 году, вскоре после возвращения к царскому двору, Менезий узнает о зачислении его в ведомство посольского приказа.

Заведенные дружеские отношения в Европе давали возможность Менезию получать верные сведения о происходивших в Западной Европе событиях, о которых он тотчас же сообщал Матвееву, а последний – царю Алексею Михайловичу. Дела Павла Григорьевича шли в гору. Царь держал его как бы под рукой, для выполнения личных государевых поручений. Павел Григорьевич внимателен к каждому взгляду Алексея Михайловича, к каждому слову его, каково бы оно ни было. Государев характер надо знать до тонкостей царедворцу (не только Менезию). Не станем говорить о том, как внимателен был Менезий и к близким государю людям. Сие само собой должно подразумеваться.

Читая донесение Невилля Людовикоу XIV, находим любопытные и немаловажные для характеристики деятельности Менезия в России сведения: «Возвратившись без всякого успеха оттуда (из Рима), был произведен в генералмайоры (ошибка в донесении, производство в генералы было осуществлено позже. – Л. А.), а через несколько времени царь Алексей Михайлович, видя, что наступает его (царя) смертный час, объявил его гувернером молодого принца Петра, своего сына, при котором он всегда находился до начала правления царя Иоанна; а после царевна София и князь Голицын не могли добиться, чтобы он перестал держать сторону Петра, заставили его отправиться на жительство в Смоленск и совершить последний (крымский) поход, в надежде, что он там погибнет».

В связи с этим вспомним, что Невиль встречался с Менезием в Смоленске. Между ними был продолжительный разговор. В последних словах донесения Невилля явно слышится горечь исповедующегося ему Менезия: он в опале, но Петра не покидает. Привязанность или расчет? Время сложное, и не будем забывать, что Менезий очень опытный царедворец. Почему он держит сторону своего воспитанника? Да и был ли Менезий гувернером Петра I? Можно ли верить сообщению Невилля? Одним из первых в России этот вопрос задал историк прошлого столетия Н. Я. Чарыков. Вопрос серьезный, и даже очень, так как, подтвердись это сообщение, найдись доказательство того, что Алексей Михайлович приблизил Павла Григорьевича к Петру «в некоторой наставнической роли», когда царевичу шел четвертый год, то ведь действительно оказалось бы, как замечает Н. Я. Чарыков, что первое знакомство Петра с «немцами» не было делом случая или последствием находки «выбежавшего на улицу» и попавшего, как пишет С. М. Соловьев, в Немецкую слободу скучающего, заброшенного ребенка, а осуществлением намерения его отца. Вместе с тем, продолжает свою мысль скрупулезный в отборе фактов исследователь, первым иноземцем, у которого начал учиться Петр, был не Зоммер и не Тиммерман, а П. Менезий. Хотя обыкновенно считают, что первым учителем Петра был

Зотов и что дьяк этот был назначен к царевичу Федором Алексеевичем четырьмя с половиною месяцами позже – 12 марта 1676 года, заканчивает мысль Н. Я. Чарыков.

С уважением отнесясь к замечаниям удивительно скромного историка, позволим себе, вслед за ним, задать тот же его и нас интересующий вопрос: наступило ли это время при жизни Алексея Михайловича, успел ли он, давший старшим детям прекрасное по тому времени образование, озаботиться воспитанием младшего сына?

Как о том думали историки прошлого? Вопрос очень спорный. Интересовал многих. Послушаем вначале, что говорил М. П. Погодин.

Характеризуя записки Невилля, он писал: «Многие известия Невилля, из самых важных... подтверждаются другими источниками, даже недавно открытыми в секретных архивах...» Это замечание общего рода, ну, а в частности, какова оценка записей, касающихся вопроса гувернерства Менезия?

Известие о встрече Невилля с Менезием в Смоленске и сообщение французского разведчика о гувернерстве Павла Григорьевича историк относит к разряду важнейших.

Обратимся к исследованию Н. Я. Чарыкова о Павле Менезии.

«И. Е. Забелин и М. П. Погодин, – пишет историк, – высказывались за положительное его решение, допуская в отношении преподавания Петру книжного учения, что начало последнего можно отнести к 1му декабря 1675 года, т. е. к заботе и почину царя Алексея Михайловича».

И. Е. Забелин, кроме того, отмечал, что Менезий, хорошо знавший военное дело, мог быть приставлен к Петру «под видом потехи, обучения солдатскому строю». В таком смысле понимал он записки Невилля.

Перелистаем книги давно минувших лет, упоминаемые Н. Я. Чарыковым.

Платонов. Лекции по русской истории (СПб., 1900):

«Отец Петра допустил к нему, как говорят некоторые современники, военного иностранца Менезиуса, который руководил его воинскими забавами. Этот Менезиус, кажется, был действительным начальником солдатского полка, называемого Петровым, по имени своего номинального полковника – Петра».

Трачевский. Русская история (СПб., 1895):

«Первым дядькой Петра был любимец Алексея Михайловича, расторопный, говорливый шотландец Менезиус, который навидался всего в своих скитаниях по Европе и знал языки. Он особенно занимался его воинскими «потехами», которыми больше всего увлекался непоседливый мальчик, во главе «робяток», своих сверстников из вельможных детей, приставленных к нему по обычаю».

Словарь Брокгауза и Ефрона (ст. «Менезиус»):

«По возвращении из посольства (1674) пожалован в генералмайоры и вскоре определен наставником к царевичу П. А., при котором находился безотлучно до 1682 года».

Очень серьезный историк Бантыш-Каменский, придерживающийся проверенных фактов, в своем «Словаре» написал биографию Менезия по Невиллю.

Есть сведения о Менезии и в биографическом словаре, издававшемся Императорским Русским историческим обществом: «Менезиус Павел, генералмайор, наставник Петра Великого, родом шотландец».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.